

20 МАЯ 1975

СТРЕТЫМ ЗВОНКОМ актеры вошли в зал и тихонько сели среди зрителей — так требовалось по ходу спектакля «Они и мы». Людмила Алексеевна досталась в нем роль девочки, живой и непосредственной, влюбленной в своего старшего брата. Сохраняя до поры до времени инкогнито, она была, что называется, вся в спектакле, как вдруг почувствовала: кто-то дергает ее за рукав и шепчет: «Эй, как тебя зовут?». Глянула — мальчишка: одним глазом на сцену, другим — на нее. Она мотнула головой — прыгнула, косичка с бантиком — не мешай, дескать. И только после спектакля вспомнила про общительного своего соседа, улыбулась.

Много мальчишек и девочек вошли в сценическую биографию актрисы Л. А. Вельяминовой. Такое у нее амплу — трагист, особое амплу. Оно предполагает в актрисе не только определенные внешние данные, но, прежде всего, необычайное состояние души, сердца, настроения. Актриса должна воспринимать мир, как открытие, как вечно новое чудо. Быть в образе своего маленького героя — это значит мыслить и поступать, как он. Не казаться мальчишкой или девочкой, а быть — на сцене ими. Ведь зрители — ровесники героев спектакля остро чувствуют фальшь и подделку; они могут не заметить, кто играет мальчишку, если роль удачна, если актриса убедила их своей игрой, но обязательно махнут пренебрежительно рукой, если роль не получилась.

Давняя мысль стала правом для Людмилы Алексеевны: стандартный облик мальчишки или девочки показывать нетрудно, но только создание характера, личности, правдивая индивидуализация могут найти отклик у зрителей.

Отрицательный первоклассник Петров был, казалось, нетрудной ролью. Все с ним, вроде, ясно: отвратительный тип, этаким маленький шантажист; бери яркие сатирические краски и — готово, Петров вызывает осуждение. Но чувствовала Людмила Алексеевна налет дидактики на этом Петрове: вот, мол, дети, плохой мальчик, плохо быть таким, как он. Думалось, не так все просто с Петровым, и даже жалко стало его: ведь он не сам придумал за мороженое или билет в кино продавать чужие секреты. Он это подсмотрел у старших, у них увидел и бистренько смекнул воспользоваться. Тогда стал Петров в исполнении Вельяминовой и смешным, и противным, но мораль образа, нравственное воздействие его окрашены иным оттенком. Образ маленького пераоклассника Петрова приобретает точ-

ное сатирическое обобщение: актриса подает свой голос против торгашеской формулы «а что ты мне за это дашь?». Не сразу «дался» актрисе и принц Дзихьяр из спектакля «Будьте готовы, ваше высочество!». Уже начались репетиции, а принц все был похож на десятки других мальчишек из пионерского лагеря. Ничем от них не отличался, разве что похуже говорил на русском языке. Людмила Алексеевна видела, что этого мало для роли, но долго ускользала от правная точка в создании образа. «Какой, какой же ты...

мой принц?» — спрашивала себя актриса, стараясь понять, что делает другим этого мальчишку из неведомой страны Джунгахов, другим в сравнении с нашими ребятами. Ведь у этого десятилетнего принца, в сущности, не было детства, не было мальчишеских радостей, не было спутников веселых игр и забав. С раннего возраста из него делали правителя, повелителя, судью над другими. Перед ним падали ниц подданные, в нем всегда видели наследника и никогда — ребенка. Тогда становились понятными и закономерными превращения и приключения Дзихьяра в пионерском лагере, где он находит друзей, где к нему приходит детство. Детство, подаренное ему от щедрости сердца счастливым народом. Актриса зримо увидела, как выстраивается образ, как освобождается ее герой от высокомерия и черствости, как смягчается его душа. Увидела, какие возможности открываются для нее в работе над образом благодаря вот этой найденной, наконец, «точке опоры». Сказалось не только профессиональное чутье, но, наверное, этот путь подсказало актрисе и чуткое материнское сердце.

Признаться, трудно было поверить, что актриса, которая играла то первоклассника Петрова, то Дзихьяра, то Каплика, прошла уже значительный и жизненный, и творческий путь... Что проводила она на службе в армии старшего сына... Что две дочери, поджидая ее после спектакля, умели сами приготовить и обед, и ужин... И дело тут не во внешних данных актрисы, а, пожалуй, в жизнестойкой, жизнелюбной основе ее характера. Бесконечно, с первой встречи и по сегодняшний день, она страстно предана театру. Он

был и остается в ее судьбе всем: радостью, тревогой, болью, счастьем...

В школе у нее было прозвище «артистка» — сколько помнит себя, всегда была участницей драмкружка. И помнит, что не только в спектаклях, а постоянно хотелось играть кого-то. То девочку-подружку: так же звонко отвечать у доски и с такой же радостной улыбочкой получить пятерку; то видела себя в таких же прекрасных платьях, какие шила ее бабушка заказчица, повторяла жесты этих женщин, копировала походку... В вооб-

ражении, словно проживала часть их жизни.

УЧИЛАСЬ В СТУДИИ при эвакуированном во время войны в их маленький сибирский городок театре. По молодости любили с мужем переезжать. Новые места, новые люди, знакомые улицы городов, разные театры — было во всем этом ощущение полноты жизни. Это ведь как на чей характер: одни прикипают сердцем к чему-то постоянному, другим непременно нужна смена впечатлений. Они снимаются с места легко и непатужно и едут куда-то не в поисках выгод и благополучия, а в нетерпеливо-радостном стремлении поновить и открыть для себя что-то новое.

Одна из дорог привела Людмилу Алексеевну в Иркутск. Не было здесь ни родных, ни близких, только одна-единственная знакомая. Не было договоренности ни с каким театром. Поэтому трудным для Вельяминовой был первый разговор с главным режиссером ТЮЗа. Надо было говорить о себе, а это для нее всегда испытание. Перечислила роли, которые довелось сыграть, и замолчала, хотя в душе кипели слова о том, что она не представляет себе жизни без театра, что каждый новый спектакль для нее — событие, радость, что даже в самые грустные минуты театр давал ей силы... Но вслух эти слова высказать было невозможно. Она не показала и те рецензии, в которых писалось о ее ролях, — вдруг подумают, что она расхвасталась...

Подробности десятилетней давности четко отпечатались в памяти: вот читает она приказ о зачислении в труппу ТЮЗа, вот первая роль в новом театре — озорной Пепик на палочке верхом...

До этих пор она никогда не

работала в детском театре. В драматических в разное время ей случалось играть мальчишек и девочек, но редко, и эти роли не были, так сказать, главными. Здесь же характер маленького человека всегда в центре спектакля, его образ становится ведущим, определяющим, а это требует от актрисы особого подхода к роли, особых красок, тщательно выверенной позиции. Иными словами, специфика театра требовала, перефразируя известное гайдаровское выражение, «детские роли играть так же, как взрослые, только еще лучше»...

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ПРЕДАННОСТЬ

В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ актеров наступает время, когда из-за возраста нужно переходить на иные, чем прежде, роли. Не потому, что поуменилось творческих сил, но эстетические нормы театра требуют если не полного, то приближенного возрастного соответствия героев и исполнителей. Для актера такой переход, конечно, непрост, нелегко. И как важно, чтобы артист нашел в это время поддержку в коллективе, у режиссеров, чтобы переход не произошел механически, а способствовал раскрытию новых творческих возможностей, новых сторон индивидуальности актера!

Для Людмилы Алексеевны такой переход от мальчишек и девочек к «взрослым» ролям совершился, можно сказать, счастливо. Началось все со спектакля «В поисках радости», когда главный режиссер театра Л. Д. Титов предложил ей роль Клавдии Васильевны, матери четырех детей. И вот уже в творческом багаже актрисы целая галерея мам из разных спектаклей, и современных, и классических. И каждый раз волнение: избежать, во что бы то ни стало избежать стандарт, штампа, эта опасность так и полстергает. К сожалению, характеры родителей в пьесах иногда бываюи едва лишь обозначены, схематичны, сухи, невыразительны. И тогда, какие бы внутренние монологи ни произносила, какую бы биографию или судьбу ни додумывать своей героине, все пропадает, тускнеет в редких фразах, в основном, «запретительного» значения. Остается надеяться на новую роль, богатую, интересную, выразительную.

У Людмилы Алексеевны были такие роли. И в спектакле «В поисках радости», и в «Антонине», в «Своем острове», в

«Детях Ванюшина»... В основе характера каждой из матерей в этих спектаклях одно чувство — любовь к детям. Но все они разные. Сильная, мужественная Клавдия Васильевна много хорошего сумела дать своим детям. Она воспитала в них настоящие человеческие качества. Конфликт с сыном Федором вызывает к ней уважение, в этом конфликте она поднимается над бытовых представлениями о материнских заботах.

Ариана Ивановна из спектакля «Дети Ванюшина» — мать, глубокострадающая. Она не понимает своих детей: не понимает, чем живут они; ничего им дать не может, кроме повседневной заботливости: не знает, как примирить их. На ее глазах рушится семья, не потому, что она плохая мать, но она-то себя винит, не умея понять истинных, социальных причин разрушения.

Две мамы — в «Антонине» и «Своем острове» — женщины похожей судьбы. Личная драма — разлад с мужем — не заслоняет им детей-подростков. И та, и другая хотят, чтобы сын и дочь правильно поняли произошедшее, чтобы не сложились некрепкие еще характеры. Разумеется, эти две героини Вельяминовой не близнецы, тем интереснее для актрисы была работа над ролями.

Работа над ролью... Она начинается с раздумий, с безмолвного диалога со своей героиней — первые шаги к взаимопониманию. До встречи со зрителем еще далеко, но этот начальный этап работы над ролью, пожалуй, самый важный. Осмысливается, решается образ сейчас, выверяется по главным жизненным линиям. От этого зависит, какой героиня встретится со зрителем; зависит вся работа актрисы над образом — и во время репетиций, и потом, когда спектакль начнет жизнь на сцене.

Нечаянно вошел в судьбу Людмилы Алексеевны Иркутск. Сибирячка, она быстро привыкла к нему, по характеру они подошли друг к другу. И театр... Он стал ее театром, она искала его в молодости и отдает ему свою творческую зрелость. Десять тузовских лет стали для актрисы самыми, пожалуй, значительными в жизни. Ей хорошо работает; здесь она получила звание заслуженной артистки РСФСР; сюда, отслужив, вернулся сын; здесь она «поставила на ноги» своих девочек. Внучка провожает ее «важным» вопросом: «Пойдешь поработаешь артисткой?». Людмила Алексеевна кивает и идет в театр. Утром на репетицию, вечером на спектакль — на встречу с новыми ролями, на встречу со зрителем.

Э. ШУГАЕВА.